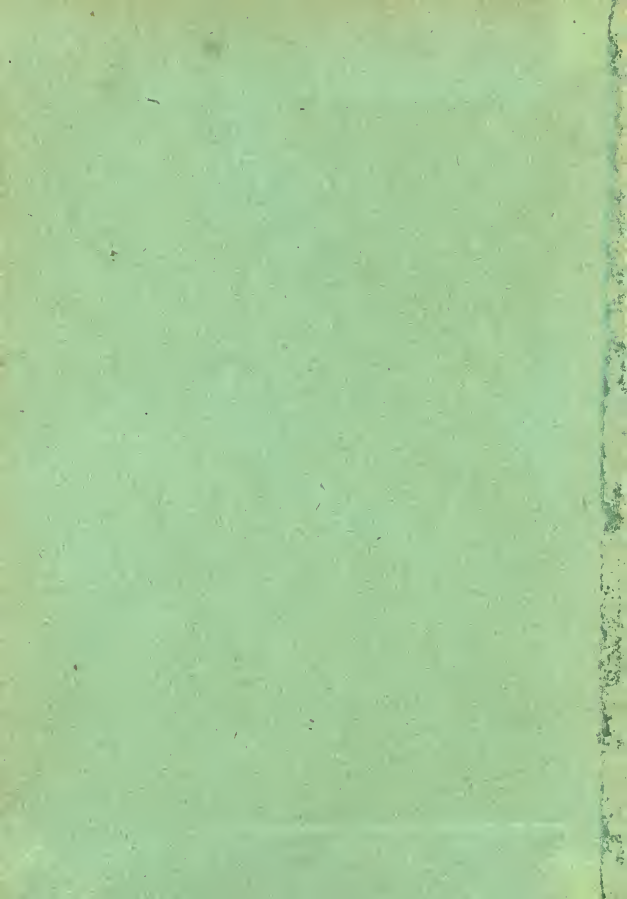
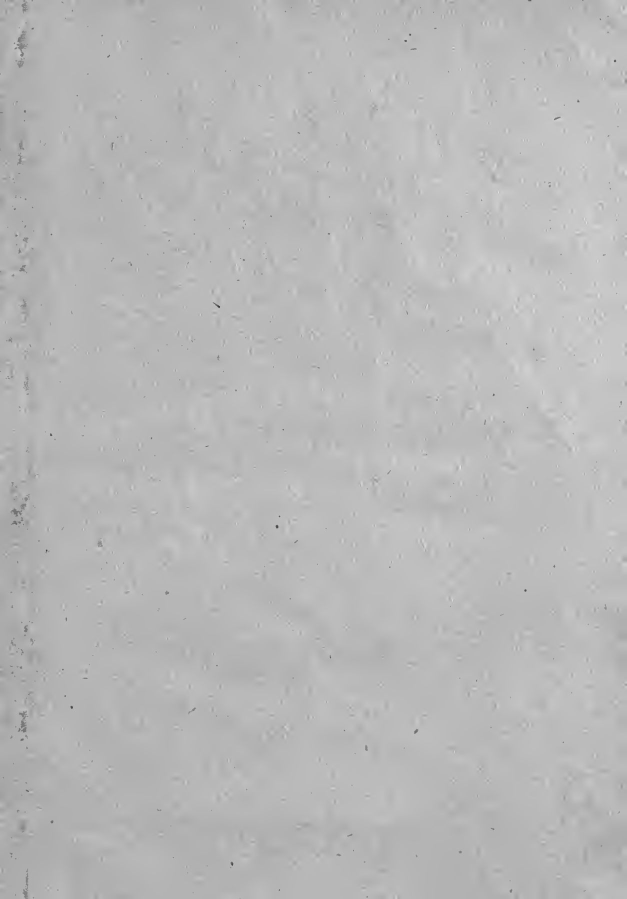

В. БЫСТРЯНСКИЙ.

КРАСНАЯ АРМИЯ
и
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Петербург * 1920 г.

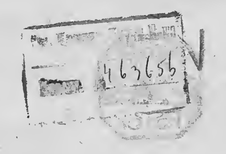
В. БЫСТРЯНСКИЙ

КРАСНАЯ АРМИЯ
И
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ✽ 1920

4-я Государственная типография, Фонтанка, 57.

I

Товарищ Ленин в своей речи на московских командных курсах приводил слова одного немецкого генерала: „Если бы наши солдаты знали, за что они борются, то они отказались бы вести войну“.

Действительно, эти слова характеризуют положение дел в империалистских странах, в империалистских армиях. Неудержимое разложение последних объясняется тем, что ни насилие правящих классов, ни развращающие проповеди социал-шовинистов не смогли помешать рабочему классу понять, за что ведется война.

Язык фактов красноречивее всякого другого. Факты разоблачили до основания империализм германский, факты разоблачили и империализм союзнический. Перед резким языком фактов бессильна проповедь соглашателей. Там, где силы империализма приходили в соприкосновение с силами революции, как это было на юге России, там и громадное численное превосходство не идет на пользу буржуазной контрреволюции,—ее солдаты отказываются сражаться против коммунизма, и, грозная на вид, армия, со всеми ее танками, оказывается бессильной перед во много раз уступающими ей в численности советскими войсками.

Обратную картину являют силы революции,—империалистам приходится опасаться, чтобы их солдаты поняли то, что есть, так как пробуждение сознания в солдатских массах ведет к разложению армии. В совершенно ином положении находится красная социалистическая армия. Ее боеспособность растет соответственно тому, как ее солдаты становятся сознательными, как они понимают, за что они сражаются. Социалистической власти не приходится бояться того, что солдаты прозреют, что они поймут намерения своего правительства. Наоборот, она делает все, что в ее силах, для политического просвещения армии, для того, чтобы она понимала, во имя чего идет на смерть, ибо это сознание является залогом успеха.

Война империалистская — это война реакционная, нечестивая, война грабительская; когда стоящие под ружьем

массы приходят к сознанию этого характера войны, то эта минута является смертельным часом для империализма. Война, которую ведет социалистическая власть, наоборот, есть война справедливая, война революционная, война освободительная,—чем ясней стоящие под ружьем массы сознают этот характер войны, тем легче они сумеют разрешить свои боевые задачи.

Света—вот чего боятся империалисты, как огня.

Свет, рост сознания вооруженных масс—вот условие всех успехов армии рабоче-крестьянской, вот залог ее силы и победы.

II.

Россия прибегает к длительному напряжению своих сил,—она подчиняет всю свою мирную работу, всю жизнь тыла нуждам войны, она выявляет свою твердую волю к борьбе и победе.

И нашим лозунгом является теперь, как раньше у империалистов: „война до полной победы".

Правда, и империалисты в течение четырех с половиной лет грабительской войны убаюкивали свои народы надеждами на то, что их война есть последняя война, что ее победоносное окончание принесет мир исстрадавшемуся человечеству.

Но вот война кончилась, и всюду ее прямым результатом является усиление вооружений: Америка вводит теперь всеобщую воинскую повинность; усиливает свою постоянную армию и Англия. Америка намечает новую военную судостроительную программу. Во время мирной конференции, при дележе отнятой у врага добычи, дело чуть не дошло до войны между Италией и Юго-Славией из-за Адриатики. Не раз обострялись отношения и между другими главными партнерами мировой игры,—и теперь еще союзники продолжают угрожать Германии тем, что они предоставят слово маршалу Фошу, если Германия не согласится без оговорки принять их грабительские условия.

Не то в России. Если социалистическая республика ведет войну, то это действительно последняя война; если она строит свою армию, то это поистине последняя армия. Сами наши враги признали, что Россия находится в состоянии необходимой „самообороны", как гласило одно из радио бюро американских журналистов в Лионе. Ибо оборонительный характер войны определяется тем, продолжением какой политики является данная война, какой класс ее ведет и в каких целях.

Война до победы, которую вели империалисты, означала победу мирового империализма, означала поражение революционного пролетариата: она неизбежно ввергала человечество в пучину новых войн и новых столкновений. Война, которую ведет социалистическая республика, когда она будет доведена до победы, означает торжество коммунизма, несущего мир человечеству, вырывающего с корнем самые причины войны.

Когда империалисты звали массы воевать до победы, революционные социалисты не переставали твердить, что победа империализма есть поражение пролетариата, что, кто бы из хищников ни оказался победителем, побежденными во всяком случае, окажутся трудящиеся массы всех воюющих стран.

Зато победа пролетарского государства в его борьбе за существование является победой трудящихся не только ведущей войну пролетарской республики, но и угнетенных и эксплоатируемых масс той страны, с которой идет война. Наша победа в войне революционной, в войне освободительной будет торжеством рабочего класса не только нашей страны, но и пролетариата всего мира,—она равнозначна поражению не только враждебных нам хищников, но и всего международного хищничества.

И поэтому, если империалистам было так трудно сплотить трудовые массы своих стран для борьбы за победу, то, наоборот, революционная война, чем дольше она длится, вызывает тем больший энтузиазм в среде трудящихся. Победителем в ней будет мировой пролетариат.

Как говорит участник из хора в „Мессинской невесте“ Шиллера:

Aber der Krieg auch hat seine Ehre,
Der Beweger des Menschengeschicks,
Denn der Mensch verkümmert im Frieden.
Müssige Ruh, ist der Grab des Muths.
Aber der Krieg lässt die Kraft erscheinen,
Alles erhebt er zum Ungemeinen.
Selber dem Feigen erzeugt er den Muth.
(Ведь война также имеет свою честь,
Двигатель человеческой судьбы,
Ведь человек теряет свою силу во время мира,
Спокойствие без дела является могилой мужества;
Но война вызывает проявление силы:
Все поднимает она на необыкновенную высоту,
Она порождает мужество даже в трусе).

Но эти лучшие свойства человеческого духа способна пробудить в массах только революционная война!

III.

Первый период русской социалистической революции, последовавший за октябрьским переворотом, был ознаменован ожесточенной гражданской войной. Гражданская война, это—классовая война внутри страны, это достигшая крайней степени напряжения борьба классов за государственную власть. Гражданская война является признаком неокончательно сложившегося государственного порядка; это симптом того, что классовые отношения еще не пришли в состояние равновесия, что ни один общественный класс еще не может считать себя прочным обладателем власти.

О гражданской войне может идти речь только тогда, когда против государственной организации господствующего класса поднимается угнетенный класс, ставящий себе целью завоевать государственную власть, как это и было с рабочим классом России до октябрьского переворота, или вернуть себе утраченное им господство, к чему стремилась буржуазия после переворота в октябре.

Но классовая война, как и война между нациями, не может длиться до бесконечности,—она кончается победой того или иного класса. В гражданской войне между пролетариатом и буржуазией в России наш пролетариат одержал в октябре крупную победу. После этого буржуазия долгое время не покладая рук работала над тем, чтобы вырвать из рук рабочих плоды их победы, чтобы вернуть себе утраченную ею государственную власть. Но это ей не удалось. Ныне стало ясно, что власть рабочего класса стоит крепко, гражданская война внутри страны тем самым, в общем и целом, закончилась победой пролетариата. Но это не значит, что Советская Республика избавлена от необходимости вести борьбу за свои завоевания вооруженной рукой и бороться за свое самосохранение,—борьба рабочего класса с его врагами перешла теперь на высшую стадию,—война гражданская, борьба классовая внутри страны превращается в войну революционную, в войну с врагами пролетариата на международной арене, в войну государственной организации рабочего класса против государственной организации международного капитала.

Политическая диктатура рабочего класса настолько крепка и прочна, что ей не опасны никакие враги внутри страны. Но зато ей приходится напрягать свои силы в борьбе с государственными организациями капиталистов. Таким образом впервые в мировой истории мы присутствуем при зрелище великой борьбы между рабочими, пролетарскими государ-

ствами и государствами буржуазными. Эта борьба имеет все отличительные признаки борьбы классовой, но в данном случае Советской Республике приходится иметь дело уже не с партизанскими отрядами своих противников, лишенных могучего аппарата правительственной власти, как это было в гражданской войне,—ей приходится бороться со сложившимися на протяжении веков могучими государствами капитала.

Но и тут, и там—в войне гражданской, как и в войне революционной—дело идет о борьбе капитализма против коммунизма, о борьбе пролетариата против буржуазии. И то, что гражданская война перешла в войну революционную, показывает силу и мощь рабочей революции, показывает, что революция сумела, наконец, создать государственный аппарат и привести его в движение,—призвать, вооружить и обучить миллионы людей. В схватках гражданской войны сложилась и окрепла государственная организация рабочего класса; но рабочему правительству сразу же приходится меряться силами с империалистическими правительствами.

Если в гражданской войне захвативший власть пролетариат отбивался от атак наседавшей на него буржуазии и вел тем самым борьбу за власть в национальном масштабе, то в войне революционной мы имеем дело с тем же самым процессом на международной арене. И тут содержанием борьбы является вопрос о власти, но эту власть оспаривает у российского пролетариата международная буржуазия. Она знает, что победа рабочего класса в какой-либо одной стране, в данном случае в России, является лишь прологом к международной рабочей революции.

В русской революции мировая буржуазия справедливо видит себе страшную угрозу и поэтому прилагает все усилия, чтобы одержать победу над авангардом международного пролетариата.

Революционная война является своего рода гражданской войной и в международном масштабе: в лице своего авангарда, захватившего политическую власть и создавшего свою государственную организацию, весь международный пролетариат борется против мирового капитализма, желающего во что бы то ни стало отстоять свои позиции в борьбе против надвинувшейся на него рабочей революции.

Гражданская война характерна для первой стадии революции пролетариата, когда ей приходится отстаивать свои позиции, укреплять завоеванную ею государственную власть, отбиваясь от атак национальной буржуазии. В войне революционной пролетариату приходится защищаться уже не от буржуазии национальной, а от буржуазии интернациональной, но зато его победа будет иметь решающее значение.

IV.

„Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия династий или из-за хитросплетений тайных соглашений“, — говорит манифест, единогласно принятый чрезвычайным интернациональным социалистическим конгрессом в Базеле 24 и 25 ноября 1912 г., во время балканской войны, явившейся предвестником мировой катастрофы 1914—1918 годов.

Но не прошло и 2-х лет после базельского манифеста, как вожди II Интернационала позорно попрали свои обязательства и во время империалистской войны почти повсюду стали активными пособниками своих разбойничьих правительств, втравивших народы в братоубийственную бойню.

Во всех капиталистических странах Европы рабочие составляли большинство в рядах воюющих армий, но повсюду „продавшие свою шпагу“ врагу вожди приложили все свои усилия, чтобы обратить пролетариев в орудие капиталистического хищничества.

В России, где гнет помещичье-буржуазного правительства был наиболее силен, где развал царского строя достиг наибольшей силы, рабочий класс первым поднял знамя восстания против царя, капитала и продавшихся ему соглашателей. Совершив в течение года две революции, сбив корону с головы монарха и выбив власть из рук буржуазии, рабочие России показали, что они предпочитают бороться и умирать за свое, а не за чужое дело, за освобождение человечества, а не за обогащение капиталистов.

Но те же самые темные силы хищничества, которые в союзе с европейским капиталом ввергли русский народ в пучину империалистской войны, навязали трудящимся классам после их победы над эксплоататорами новую войну, войну гражданскую в собственной стране.

Союзные державы,—западные демократии—Франция и Англия вкупе с Америкой, столько лет финансировавшие своего союзника—царский режим и помогавшие ему в его борьбе против рабочих и крестьян,—и после свержения монархии в России продолжали свою прежнюю политику,—они оказались на стороне царских генералов в их борьбе против рабоче-крестьянской революции.

Трудящиеся России, через революцию против царя и капитала вышедшие из империалистической войны, вынуждены были вынести тяжесть новой войны—гражданской, навязанной им их отброшенными от власти, но еще не добитыми врагами.

И в этой войне на место демобилизованной старой армии угнетенные доселе классы создали новую, могучую рабоче-крестьянскую армию.

В ее рядах рабочие и крестьяне сражались уже не ради барышей капиталистов, они не были связаны тайными договорами о Константинополе и Дарданеллах,—они вели подлинную освободительную войну, сражались за свои очаги, за свою землю, свои фабрики и заводы, свою собственную власть.

Цели этой новой войны были ясны для каждого трудящегося,—ибо рабоче-крестьянская власть не щадила усилий для разъяснения массам целей войны,—между тем, как империалистские правители в течение долгих лет войны хранили молчание о целях своей войны, ибо они были зафиксированы в тайных договорах о разделе добычи побежденных,—об этом не решались говорить открыто перед массами, из опасения, что рабочие и крестьяне, узнав, что они сражаются для обогащения кучки эксплоататоров, положат оружие.

И только грабительский мир раскрыл перед всем миром подлинные цели грабительской войны.

Если поэтому процесс разложения империалистской армии шел тем скорее, чем дольше длилась грабительская война, то рабоче-крестьянская армия превращалась в силу тем более крепкую, чем более широкие размеры принимала война гражданская.

Враги коммунизма долгое время не считались с Советской Республикой, и только создание такой грозной реальной силы, как Красная армия, спасшая Республику от сонма врагов, заставило империалистический мир исходить отныне в своих комбинациях из ее бытия, как самого могучего фактора в международных отношениях. Недаром лионское радио американских журналистов от 6 января 1920 г. гласит:

„Армия большевиков в настоящее время превышает 2 миллиона человек, т.-е. является в данный момент самой многочисленной армией в Европе, если не во всем мире“.

Благодаря своей Красной армии, республика трудящихся стала силой, перед которой склонился враг.

Но Красная армия не только спасла завоевания революции, она явилась могучей школой политического воспитания для сотен тысяч трудящихся, привлеченных в ее ряды.

Еще участие в войне империалистской в силу объективного хода вещей—суровых уроков жизни—просвещало солдат старой империалистской армии. Но неизмеримо бо̀льшее значение имеет пребывание в рядах Красной армии, ибо тут наравне с объективным воздействием хода вещей действовал и субъективный фактор,—планомерная и сознательная работа коммунистической партии.

Рабочие и крестьяне, привлеченные под красное знамя нашей армии, выйдут из ее рядов много более просвещен-

ными и сознательными, чем они вошли туда,—об этом свидетельствуют блестящие результаты партийных недель. Мало того, Красная армия приучила массы к планомерному, согласованному действию для достижения сознательно поставленных ими себе целей.

Она явилась прекрасной школой для подготовки масс к процессу трудового переустройства России, к той фазе органической работы, в которую отныне вступает Советская Республика. Недаром первым этапом на новом пути явилось превращение Красных армий в трудовые.

Навязав рабочему государству опустошительную войну, его враги рассчитывали сломить его мощь, но на деле они только теснее прежнего спаяли трудящихся в одно гранитное целое.

Если известный государственный деятель немецкой буржуазии, Вильгельм фон-Гумбольдт, в написанной им в конце восемнадцатого века, в годы юношества, работе „о границах деятельности государства“ писал, что он „с неудовольствием следит за постепенным исчезновением войны с мировой арены“, ибо „война есть благотворнейшее явление для развития человеческого рода“, ибо „война есть та, конечно, ужасная крайность, в которой деятельное мужество в борьбе с опасностью, трудом и бедствием испытывается и крепнет“ (гл. V),—то эти его слова могут быть применены с оговорками лишь к гражданской и революционной войне, этим подлинным освободительным войнам всемирной истории.

В своей работе „Этика и материалистическое понимание истории“. Каутский говорит о той роли, которую война играла на первых ступенях развития человечества, когда классовое расслоение общества было еще только в зачатке.

„Война среди европейских народов не играет уже той роли, какую играла прежде среди кочующих охотничьих и пастушеских племен. Если война создает грубость и кровожадность по отношению к врагу, то, с другой стороны, она является и могучим средством, при помощи которого укрепляется *связь внутри племени, внутри общества*. Чем больше опасности грозит отдельной особи со стороны врага, тем более чувствует она себя зависимой от своего общества, племени, родни, которые одни и могут ее защитить объединенными силами, тем больше общественного уважения уделяется добродетели самоотвержения или храбрости, рискующей жизнью для пользы общества. Чем более кровавый характер носят войны между племенами, тем сильнее также будет действовать среди них система подбора, тем лучше усвоят те племена, сочлены которых являются не только самыми сильными, но и самыми умными, храбрыми, способными на жертвы и наиболее дисциплинированными, необ-

ходимость объединенных действий. Таким образом в те примитивные времена война различными путями содействовала *укреплению в людях социальных инстинктов*".

Слова Каутского применимы mutatis mutandis и к высшей фазе развития человечества, в которую вступила теперь Россия, к рабочему государству, которое начал строить победоносный пролетариат,—революционная война укрепила солидарность трудящихся, их социальную связь, их общественную спайку.

Навязанная нам гражданская война выявила перед всем миром необычайную крепость организма юной еще социалистической республики. Война сплотила вокруг ее красного стяга миллионы рабочих и крестьян, в минуту смертельной опасности для Республики сотни тысяч трудящихся вступили в ряды ее авангарда—партии коммунистов. В рядах Красной армии рабочие и крестьяне закалились как сталь, вооруженной борьбой против своих врагов они доказали, что нет таких задач, которые не были бы по плечу рабочей республике,—ставшему кузнецом своего счастья трудовому народу.

> Aber der Krieg lässt die Kraft erscheinen,
> Alles erhebt er zum Ungemeinen.

(Война выявляет силу, все подымает она на необычайную высоту),—как поет хор у Шиллера в „Мессинской невесте".

Разрешив необычайной сложности и трудности организационные задачи, связанные с созданием Красной армии, русский рабочий класс подготовился к выполнению новых, не менее сложных задач, которые ставит перед ним строительство социалистического хозяйства.

V.

Седая древность знала одну непобедимую армию:—то было войско Римского государства, покорившее ему мир.

Победе в своей борьбе за мировое владычество Рим был обязан своему всенародному ополчению. Это было войско, включавшее в себя всех граждан Рима постольку, поскольку они были оседлыми (assidui), т.-е. имели земельную собственность в пределах римской территории или вообще определенный имущественный ценз.

В V и IV веках до Р. Х. это ополчение граждан собственников шло в бой с твердой уверенностью, что счастливый исход борьбы обеспечит его потомству собственные

наделы на завоеванной территории, и оно проявляло величайшую выдержку и сплоченность.

Крепким и спаянным оказалось это войско, когда ему пришлось отстаивать свой земельный надел, свои нивы и сады от грозного нашествия карфагенских наемников.

Как владыки мира (rerum dominos), покоряли железные легионы римских земледельцев грады и веси Востока и Запада.

Только собственники, разделенные, по преданию, римским царем Сервием Туллием на 5 классов, могли служить в этом войске. Пролетарии—как называли в древнем Риме лиц с очень низким цензом или вообще без имущественного ценза [1])—не имели права носить оружия.

Когда в начале первого века после Р. Х. знаменитый вождь римской демократии Марий произвел свою великую военную реформу, отменив правила о службе в легионах только граждан с известным цензом, и привлек в их ряды так-называемых пролетариев, т.-е. лиц с очень низким цензом или вообще без имущественного ценза, и римская армия сделалась армией гражданско-пролетарской в противоположность старому ополчению граждан собственников,—эта реформа повлекла за собой неисчислимые последствия для политической и экономической жизни Рима.

Но пролетариат древности не был похож на современный пролетариат,—это был люмпен-пролетариат,—по выражению Сисмонди, „античный пролетариат жил на счет современного ему общества, в то время как современное общество живет на счет пролетариата“. Естественно поэтому, что образование армии с преобладающим пролетарским составом в древнем Риме могло привести только к последовательному захвату власти тем или иным из авантюристов, наиболее беззастенчивым из которых был столь идеализированный Моммзеном Юлий Цезарь.

Однородности своего социального состава римская армия—это ополчение цензовых элементов—была обязана своими победами.

Ополчение римской земледельческой и военной общины исключало из своей среды все пролетарские элементы, этому оно и было обязано своей устойчивостью; разбавка армии пролетарским элементом послужила одной из причин гибели всего общественно-политического строя древнего Рима.

Однородность классового строения является залогом успехов и стойкости другой непобедимой армии, которую те-

---

[1]) Моммзен в своей „Римской истории“ так толкует этимологию слова пролетарий (proletarius): производитель потомства (от слова proles), человек—важный для общества только тем, что производит детей!

перь видит мир,—рабоче-крестьянской армии революционной России.

Если из римской армии отметались все пролетарские элементы, то сила нашей армии,—главный фактор, обусловливающий ее выдержку и сплоченность,—это—изгнание из ее рядов всех эксплоататоров, кулацких элементов.

Рабочие и трудящиеся крестьяне России идут в бой с уверенностью, что их успех в борьбе обеспечивает им власть над землей, над фабриками и заводами, отнятыми ими у помещиков и капиталистов. Могучая спайка и крепость рабоче-крестьянской армии проявили себя во всей силе, когда ей пришлось отстаивать свою землю и свои фабрики от нападения царских генералов.

Но если ополчение собственников, каким была римская армия, покорило сначала Италию, чтобы создать затем великую мировую Римскую державу, то наша Красная армия, в рядах которой нет места эксплоататорам,—армия, являющаяся орудием в руках класса, по своей природе непримиримо враждебного всякой кабале и всякому гнету,—не может являться орудием завоевательной политики.

Защита страны, оборона революции—вот ее единственные задачи.

И, если сообразно социальной природе античного пролетариата, ведшего паразитическое существование на счет современного ему общества, перерождение римской армии из ополчения собственников в пролетарское войско не изменило резко ее характера, как орудия завоевательных стремлений владеющих классов, но лишь облегчило использование ее авантюристами, то армия, позвоночным хребтом которой является современный промышленный пролетариат, явится тем тараном, который разобьет вдребезги стены бастилии капитализма!

VI.

Красная рабоче-крестьянская армия является последней из армий,—ибо победа коммунизма во всем мире уничтожает самую возможность войн,—последней революционной армией,—ибо торжество коммунизма упразднит вместе с классовой борьбой и гражданскую войну.

История и раньше знала примеры, когда угнетенный раньше класс, взяв в руки власть, создавал свою вооруженную силу, направлявшуюся им против угнетателей.

Мы не будем здесь говорить о повстанческих армиях, создававшихся в древности восставшими рабами, об ополчении главы „апостольских братьев“ Фра-Дольчино, с ко-

торым он в начале XIV века выдерживал ожесточенную борьбу против князей и епископов северной Италии.

Мы остановимся здесь на тех случаях, когда вооруженная сила строилась победившим в борьбе классом.

Так, в начале XV века в ходе так-называемых гусситских войн в богемском городе Таборе коммунисты достигли исключительного могущества, они построили там крепкую военную организацию.

„Эта небольшая община, так отважно объявившая войну существующему общественному строю, могла существовать лишь до тех пор, пока оставалась непобедимою в открытом поле,—пишет Каутский („История социализма“).—Для нее не могло быть ни мира, ни перемирия. Существование таборитов было совершенно несовместимо с интересами господствующего большинства“.

Безграничный энтузиазм составлял военную силу людей будущего—таборитов.

„Военные способности таборитов подкреплялись еще их энтузиазмом и бесстрашием: для них не существовало компромисса, они не знали остановки на избранном пути,—пишет далее Каутский. — Для них не было иного выбора как победить или умереть. Они стали самыми страшными воителями Европы; своим военным террором они спасли гусситскую революцию, подобно тому, как впоследствии, в 1793 году, санкюлоты спасли своим террором буржуазную революцию 1789 года“.

(Как видим, было время, когда Каутский хорошо понимал связь террора с войной и революцией).

„После того, как папа Мартин V, в булле „Omnium plasmatoris domini“ от 1 марта 1420 г., призвал всех христиан к крестовому походу против гусситов для уничтожения ереси, начали организовываться одна за другой жадные до добычи армии; в каждом из пяти крестовых походов в период 1420—1431 годов войско крестоносцев жестоко разбивалось; слава о непобедимости таборитских войск распространялась все дальше и дальше, так что в конце концов, например, в четвертом походе у Миесса, в 1427 году, и в пятом у Тауса, в 1431 г., целое большое войско, охваченное паническим страхом, при одном только известии о близости гусситов разбегалось, даже не увидевши врага“.

И Каутский приходит в заключение к любопытному выводу, что коммунисты эпохи переходной от средних веков к новому времени создали постоянную армию.

„Обыкновенно происхождение постоянного регулярного войска относят в средние века к Карлу VII французскому, который около середины XV века создал постоянную военную силу из пятнадцати наемных полков. На самом же деле табориты представляли первое постоянное войско, которое

имело перед французским то преимущество, что основывалось на всеобщей воинской повинности, а не на вербовке наемников (которые во Франции к тому же большей частью были иностранцы, швейцарцы и немцы)".

Могучую армию создала также буржуазная революция середины XVII века в Англии, когда, по словам Энгельса, „городская буржуазия дала толчок революции, а среднее крестьянство сельских округов довело борьбу до победы" (его статья „Об историческом материализме", перепечатанная в сборнике того же названия).

Знаменитые iron sides (железнобокие) Кромвеля разгромили дворянское войско Карла I.

В 1645 г. Ферфакс и Кромвель занялись организацией армии „нового образца", поставив себе целью собрать двадцать тысяч „честных людей".

„Армия состояла из молодых фермеров и мелких торговцев. Они смотрели на себя не как на наемных рубак, которых можно взять или отпустить по воле нанимателя, но как на людей, оставивших свои фермы и лавочки по прямому призыву Бога. Они полагали, что им поручено совершить великое дело—и их призвание связывало их до тех пор, пока оно не было сделано".

Солдаты революции с горячностью заявляли перед решеткою Палаты общин, что „сделавшись солдатами, они не перестали быть гражданами".

Грин пишет в своей „Истории английскаго народа": „привычка обсуждения общественных вопросов делала армию настоящим парламентом".

Роялисты насмехались над сапожником Посоном, ломовым извозчиком Опием, писцом Гаррисоном, за одну ночь ставшими офицерами.

Великолепную отповедь дал врагам революции Кромвель.

„Может быть, — писал Кромвель по поводу своего полка железнобоких,—вас оскорбляет, что такие простые люди назначаются кавалерийскими капитанами. Было бы хорошо, конечно, чтобы люди почетные и знатные являлись для занятия этих мест, но почему же они не являются?

„А так как необходимо, чтобы дело шло, лучше простые люди, чем отсутствие людей, и лучше иметь людей терпеливых в нужде, верных и совестливо исполняющих свои обязанности, а такими,—я надеюсь,—они окажутся".

Революционная армия сочетала гражданские вольности солдат с военной дисциплиной.

Маколей, давший блестящую характеристику индепендентского войска, справедливо замечает, что эта армия „могла без вреда для самой себя пользоваться вольностями, которые, будучи предоставлены другим войскам, подействовали бы разрушительно на всю дисциплину. Таковы,—про-

должает Маколей,—были разум, серьезность и самообладание воинов, дисциплинированных Кромвелем, что в лагере могли существовать политическая и религиозная организации, не разрушая организации военной. Те самые люди, которые вне службы были известны, как демагоги и полевые проповедники, отличались стойкостью духа и беспрекословным повиновением на страже, на учении и на поле битвы. В одном лишь лагере Кромвеля строжайшая дисциплина встречалась рядом с самым крайним энтузиазмом. Его войска ходили с точностью машин, пылая в то же время необузданнейшим фанатизмом крестоносцев".

Следующая великая битва буржуазии против феодализма, Великая Французская революция 1789 года, поставившая у власти „третье сословие", бывшее до сих пор „ничем" и ставшее с тех пор „всем", вызвала к жизни новую могучую армию, основанную на всенародном ополчении, — войско, одержавшее такие блестящие победы над наемными войсками монархической Европы.

Но, сокрушив своей десницей оковы феодального рабства, французские армии своей шуйцей ковали для народов цепи нового гнета—капиталистической эксплоатации.

И только Красная рабоче-крестьянская армия революционной России,—армия построенная единственным революционным до конца классом человечества—пролетариатом,—разбивает вдребезги всяческое насилие, всякий гнет и всякую эксплоатацию и тем самым готовит наступление такой общественной формы, когда станет излишней всякая вооруженная сила.

VII.

Вооруженная сила большею частью была в истории фактором реакционным,—она закрепощала трудящиеся классы эксплоататорам, поддерживала гнет и порабощение, ибо была орудием в руках имущих.

Впервые в истории мира армия является созданием угнетенного класса,—она несет смерть палачам трудящихся.

Некоторую аналогию с рабоче-крестьянской армией современной России являет собой революционная армия конца XVIII века во Франции, когда буржуазия переживала еще эпоху „розовой, мечтательной юности", ведя борьбу против феодалов и монархов всего мира.

Тогда революционная армия несла с собой населению освобождение от цепей феодализма и крепостничества, — восторженно приветствовали ее народы, сама армия горела огнем энтузиазма.

Гете в своей поэме „Hermann und Dorothea“ воспел в прекрасных стихах вступление французских войск в Германию:

...die Züge bewaffneter Franken
Rückten näher; allein sie schienen nur Freundschaft zu bringen.
Und die brachten sie auch: denn ihnen erdöht war die Seele.
Allen; sie pflanzten mit Lust die munteren Bäume der Freiheit,
Jedem das Seine versprechend und jedem die eigne Regierung“.

(Отряды вооруженных французов вступили в наши пределы; но они, казалось, несли только дружбу,— и они принесли ее, потому что у них у всех была высокая душа; они водружали с воодушевлением веселые деревья свободы, обещая каждому свое, каждому собственное правительство).

Сорель в своей книге „Европа и французская революция“ (т. IV, стр. 120) так характеризует настроение защитников Франции:

„Эти войска в те времена переживали свою героическую эпоху, эпоху молодости, когда энтузиазм бывает добродетелью; когда сила еще не сознает себя во всей полноте и пугается злоупотреблять собой; когда к победе еще не привыкли, когда она наполняет души воинов восторгом, внушает им радость и жалость. Никакой алчности, никакого презрения к слабым, бедным и безоружным: войска были объяты великодушным чувством избавления, которое несли с собой. Они шли, освещаемые зарей чудного дня. Уверенность в близком отдыхе и в счастьи, которому не будет конца, придавали им какой-то бодрый, восторженный вид, и они шли, не заботясь об испытаниях, не подвергаясь искушениям.

„Эти победители в лохмотьях, исхудалые, но гордые, веселые, мужественные и дисциплинированные. Народы преклонялись перед необычайностью и величием, которое угадывали в этих армиях, и солдаты завоевывали самые сердца своих хозяев, нужду которых разделяли.

„Пример самоотвержения: с ранцем на плечах, без жалованья... они получали солдатское содержание... им давали записки на получение пары сапог, платья. И между тем никто не думал жаловаться на свою нужду и бедность или быть неисправным по службе. Служба была единственной заботой, единственным предметом соревнования. Во всех рядах наших замечалось одинаковое рвение, одинаковое желание сделать более, чем требовал долг... Это время моего поприща, когда я всего более работал и когда начальники мои выказывали наибольшую меру требовательности. В среде солдат такое же самоотвержение, такая же преданность...

„Никогда войска не отличались большим повиновением и не проявляли большего усердия; ни в одну военную эпоху не замечалось такой высокой нравственности в войсках“.

Чудеса героизма выказывали французские республиканские войска.

„Когда под Ваттиньи (сентябрь 1793 г.) Карно увлек за собою солдат и штурмовал мобежский лагерь, всех воодушевляла только мысль о свободе и праве. „Если им удастся овладеть этим лагерем, — сказал австрийский военачальник,— то я поверю в то, что они гордые республиканцы и сам стану таковым“. „Сделаем его республиканцем“,— ответили на это французы, единственным проявлением честолюбия которых было доказать, что одной любви к отечеству достаточно для того, чтобы пробудить силы, делающие даже невозможное досягаемым. Они бросились вперед с таким порывом и воодушевлением, которые всё смели на своем пути, и этим доказали благородство революции“ (Жорес, „Новая армия“, 62).

Несокрушимая мощь революционных армий объясняется тесной связью между народными массами и вооруженными силами государства, наблюдающейся в революционные эпохи.

Энгельс сказал как-то: „В политике есть только две решающие силы: организованная сила государства—армия и неорганизованная—элементарная сила народных масс“ („Сила и экономика при создании современной Германской империи“).

В революционные эпохи после победы революционного класса эти две силы сливаются воедино,—и революция становится несокрушимой.

Но армии французской буржуазии скоро сыграли свою революционную роль,—ибо на место феодальных цепей буржуазия выковала иные цепи,—ибо, разрушая феодальные формы эксплоатации масс, она поставила на их место капиталистическую эксплоатацию.

И армии французской республики, уничтожая в занятых ими территориях крепостнические отношения, порабощали их новому владыке мира—капиталу. А выкинутый французской республикой боевой клич „мир хижинам, война дворцам“ скоро стал, по выражению Сореля, „лживой вывеской цинических шарлатанов“.

Русская рабоче-крестьянская армия создана классом, который призван не менять одну форму насилия и эксплоатации на другую, а уничтожить самую возможность насилия, гнета и эксплоатации в какой бы то ни было форме,— наша Красная армия до конца останется верной своей освободительной миссии,—она будет верным стражем свободы

и братства трудящихся до того момента, как полная победа коммунизма не позволит человечеству перековать мечи на плуги!

VIII.

Во время Великой Французской революции враги буржуазного переворота, первое время ставившие революции в вину то обстоятельство, что она якобы обезоружила страну, потом нападали на нее за то, что она создала могучую военную силу, способную померяться со всей феодально-монархической Европой.

Токвилль, в своей книге „Старый порядок и революция“ цитирует слова английского памфлетиста Берка:

„Надо думать,—говорит он,—что надолго военные способности Франции угасли; возможно даже, что они угасли навсегда и что люди последующего поколения будут в праве повторить древнее изречение: Gallos quoque in bellis floruisse audivimus“. (Мы слышали, что и галлы блистали некогда военными доблестями).

Во Франции, накануне того дня, когда вспыхнула революция, никто еще в точности не догадывался о том, что ей предстояло совершить.

Когда, спустя короткое время, та же революция разливается за пределы Франции, неся с собой свои, никогда не виданные приемы, новую тактику, человекоубийственные принципы, свои, по выражению Питта, „вооруженные“ мнения, с неслыханной силой разбивая заставы империй, сокрушая короны, попирая народы и,—странное дело,—в то же время располагая их в свою пользу,—по мере того, как все это происходит, точка зрения изменяется.

История повторяется.

Одно из американских радио вынуждено было признать, что Советская Россия находится в состоянии необходимой обороны, а вот ее враги, меньшевики, правые и левые эс-эры, вкупе с открытыми белогвардейцами и черносотенцами, строят теперь свою агитацию против Советской власти на тех мерах, которые она принимает для защиты страны,—они пытаются возбудить массы против их собственного правительства словами о том, что большевики создали новый красный милитаризм, что они не дают народу отдохнут от войны, которая уже длится пятый год.

Вспомним, однако, что это говорят те самые люди, которые в первый период рабоче-крестьянской революции упрекали Советскую власть в том, что она будто бы обезоружила страну перед лицом наступающего империализма.

Те внешние и внутренние враги социализма, которые дружным фронтом идут теперь против Советской власти,— еще не далее, как год тому назад, ставили ей в вину вызванное якобы тактикой коммунистов разложение старой армии, которое в действительности явилось результатом всей политики царизма и соглашательского правительства Керенского и меньшевиков.

Советская власть вынуждена была принять неслыханно тяжелое наследие от своих предшественников—крепостнического и буржуазного правительств, и одной из самых темных сторон этого наследия была вконец разрушенная армия.

Первое время после октября наши враги из соглашательского стана указывали, что большевики, своей политикой якобы дезорганизавшие армию, дискредитируют идеи пролетарской революции в глазах международного пролетариата, внушая им мысль, будто бы она необходимо ведет к обезоружению страны перед лицом наступающего врага.

Но вот уже три года, как рабочий класс стоит у власти, и при неслыханно трудных условиях ему удалось создать свою армию, которая все растет и крепнет,—в то время, как военная сила империализма, по признанию его же агентов, неудержимо разлагается.

Революция в России способствовала подъему обороноспособности страны; ее военная сила внушает все растущий страх ее врагам; с ней силы старого мира считаются серьезно; ростом нашей вооруженной силы мотивируют они необходимость вступить с нами в переговоры.

Русская революция уже перешла от разрушения к созиданию; она совершила огромную работу во всех областях народной жизни,—на место разрушенной армии она создала новую, рабоче-крестьянскую армию.

IX.

В своем письме к Марксу от 26 сентября 1851 года Энгельс писал: „Очевидным фактом является, что дезорганизация армии и полное разрушение дисциплины есть как условие, так и результат всякой революции, бывшей до сих пор победоносной. Для Франции нужен был промежуток времени с 1789 года до 1792 года, чтобы вновь организовать армию приблизительно от 60 до 80 тысяч человек, армию Дюмурье, и сама эта армия распалась, и у Франции

не было никакой организованной армии вплоть до конца 1793 года.

„Венгрии нужен был срок с марта 1848 года до средины 1849 года, прежде чем она получила настоящую организованную армию. И кто в первую французскую революцию мог внести дисциплину в армию? Не генералы, которые могли получить у импровизированных армий влияние, авторитет, но террор внутренней политики—гражданская власть".

Как видно отсюда, русской революции пришлось проделать ту же дорогу, что и предшествовавшим ей буржуазным переворотам, и она через разложение старой армии пришла к созданию новой, революционной, на этот раз рабоче-крестьянской армии.

И у нас, как и во Франции, дисциплина в новой армии создается не военным командованием, а самой Советской властью.

Но необходимо прибавить, что дезорганизация армии, являющаяся неизбежным спутником революции, имеет своим непосредственным поводом политику старого господствующего класса.

Возьмем германскую революцию, ход и исход которой имеет отныне решающее значение для всего революционного движения в Европе. В соглашательском „Vorwärts'e" (№ 151 от 23 марта 1918 г.) помещена крайне интересная статья Адольфа Кестера „Ein falsches Datum", в которой автор опровергает утверждение милитаристов, будто разложение армии в Германии явилось причиною ее поражения. Генерал Людендорф в первом интервью, которое он по своем возвращении в Германию имел с представителем немецкой прессы, отнес начало крушения германской армии к 8 августа 1918 года, когда несколько немецких дивизий не могли сопротивляться англо-французской атаке к востоку от Амьена, и в связи с этой датой он возлагает главную вину за весь военный крах на Западе частью на усталость от войны, частью на революционное настроение родины, которое мало-по-малу подточило силу сопротивления войск.

Подобные же соображения высказываются полковником фон-Беном, бывшим вождем названной его именем войсковой группы, в появившемся в газете «Пост» протесте против прусского военного министра.

Однако, шейдемановец с полным правом протестует против подобной „легенды",—против извращения истины. Он указывает, что начало военного краха на Западе датируется не с августа—поражения к востоку от Амьена, но с июльских неудач по обе стороны Реймса. 15 июля искусный маневр французского генерала Гуро уничтожил задуманное

верховным командованием большое наступление по обе стороны Реймса. Благодаря этому, маршал Фош получил возможность собранные им в течение недели резервы бросить в обнажившееся у немцев между Эном и Марной пространство. „Неудачи между Эном и Марной повели к утрате с большими потерями всей Марны, завоеванной в течение третьего наступления в конце мая. Обе неудачи обозначали, несомненно, поворотный пункт в большом германском наступлении весной и летом 1918 года. После этого верховное командование врага получило решительный перевес“.

„Но это поражение,—как указывает шейдемановец,— является поражением командования, именно верховного командования. И это июльское поражение означало не только поворот в оперативном ходе войны, — оно послужило даже толчком к большому психологическому краху в западной армии. Немецкое наступление связывалось с постоянно возобновляемыми обещаниями, что офенсива принесет мир. Три раза оно удавалось, но 15 июля оно не только не удалось, оно повело к крупным успехам врага, а 18 июля—у солдат рушилась надежда на победу Людендорфа и мир Людендорфа. Кровавые битвы при отступлении к юго-западу от Реймса были могилой немецкой веры в победу“.

Затем Кестер переходит к поражению 8 августа: „И оно в конечном счете является поражением немецкого верховного командования,—поражением тех, кто не дооценил Америки, сделал известный учет англо-французских резервов, не дал надлежащей оценки техническому превосходству врага. И моральная стойкость войск 8 августа стала значительно меньше не только у солдат,—нет, как самое верховное командование узнало к своему ужасу, и у офицеров вплоть до дивизионного командира. Но это большей частью было опять следствием того первого поражения“.

И Кестер продолжает: „Внутреннее сопротивление, даже мятежи имели место во всех армиях, имели они место и в немецкой. Они росли, чем дольше длилась война, но они не расшатывали силы войск, пока победа обещала солдатам скорый мир. Когда же поражение уничтожило эту надежду, то армия рушилась. Не враждебное войне настроение голодающего отечества, не миллионы листков Нортклифа погубили войска,—стратегическое крушение так подточило душу немецких войск, что они были выданы с головой всякому враждебному влиянию“.

Кестер указывает, что военные круги хотят свалить с себя ответственность за поражение на солдат. Он возмущается травлей немецких солдат правой прессой, несмотря на их сверхчеловеческое напряжение как раз в последние месяцы мировой войны.

Империалисты повсюду сделаны из одного теста,—везде они готовы свалить вину за последствия своей политики на своих классовых врагов. Между тем разложение армии, гибель военной силы старого порядка в конце концов являются следствием его же политики. Революции не приходится разрушать орудий власти старого режима, они уже подточены в корне им самим.

Цена 20 руб.

